



Комсомольские похороны

28 марта в с. Вedomше, Переславского уезда, происходили похороны комсомольца Майорова. Вedomша — заброшенное в болоте село, где гонят скипидар со смолой и дерут drankу.

«Летел чёрт в лукошке, дно провалилось и слетела Вedomша», гласит предание.

Утром, когда из города привезли гроб умершего, сонливое спокойствие села было нарушено. Закуренные избы, впервые услышавшие печальные звуки похоронного марша, увидевшие весь в красном гроб без попа, зашевелились. Как галчата, выскакивают ребятишки, степенно идут пожилые, калякут бабы. Даже поп, наскоро отмахав кадиллом, вперил любопытный взор на «нечестивую» процессию через решётку церковного окна, а миряне хлынули из церкви на улицу, потеряв своё великопостное настроение. Гроб внесли в бедную крестьянскую избу, где религиозная мать успела зажечь лампаду, сунуть в руки умершему платок. У изголовья застыли фигуры почётного караула. Всё было для крестьян ново и ошеломляюще. А когда понесли гроб на погост, к шествию присоединялись жители окрестных деревень.

Удивлённо смотрят на чёрные флаги, на сосредоточенно-печальные лица комсомольцев с винтовками за плечами, на рычащие трубы музыкантов, на которых играли весёлые солдечные блески.

— Если бы попа приткнуть ищо, а то как скотину, — замечает древняя старушенция.

— Нужен, как вша в пироги...

— Нашава брата етот оголённый воробец-дьячок скажет-ну Ларион тебя за кляп да и вон, а тут гляди-тка!

— Эх, не суди земская, а суди губернская, и я с музыкой загнусь, — бросил старичина.

К погосту — снег по колена.

На погосте — речи, музыка, салюты.

Идут беспрерывной толпой. Далеко протянулась пёстрая лента. Весело пригревает солнце.

— И в крещенье столько не было...

А на обратном пути — бодрящий марш. Чётко вышагивают комсомольцы в строю. В толпе заметное оживление.

— Глянь-ка, Ванька, сами ноги идти просят.

— А ты, Митрич, тоже хоил?

— Церковь близко — ходить склизко, музыка далёконько — ходить лёгонько.

Долго толковали обитатели Вedomши о комсомольских похоронах. Во многих головах зароились новые мысли. В новом свете предстал и местный поп, про которого говорят: пролети до нитки, не сделает скидки, — на твёрдой «валюте» стоит.

Молодёжь вся решила, что с музыкой лучше, чем с попом. А комсомолец-малыш, сынишка председателя, уже набедокурил. В углу над иконами намазал сажей лозунг: «*религия — опиум народа*»; на физиономии «казанской» наклеил бумажку с надписью: «небесное царство признало СССР», а на закопчённом христе написал: «господь в РКСМ попал».